

Собственной персоной

Концерты Театра новой музыки привлекают публику не только интересно построенными музыкальными программами, где есть место премьерам и новейших, и неизвестных сочинений отечественных и зарубежных композиторов XX-XXI веков, но и своей театральностью, превращающей концерт в увлекательный спектакль. Театрализация концерта давно определяет лицо этого коллектива. И лицо это у Театра не одно. Профессор Влориди и маэстро Вигансо, каждый раз затевающие споры «за» и «против» современного музыкального искусства, давно снискали симпатии публики, а их «вечный» неразрешимый диалог помогает восприятию современной музыки. Театральная маска – вещь необыкновенно притягательная, возбуждающая внимание публики, и в то же время вызывающая противоречивое желание разоблачения надевающего чужую личину актера. Владимир Орлов (профессор Влориди), как руководитель ТНМ, уже много раз становился объектом пристального внимания прессы, и теперь настала очередь Василия Игонина (маэстро Вигансо) предстать перед читателями собственной персоной.

– Василий, Вы с самого начала в Театре новой музыки, который уже невозможно представить без Вас. Ваше присутствие на сцене в образе знатока и фаната музыки XX века маэстро Вигансо, антипода мягкотелого консерватора профессора Влориди, делает «Театр» театром. Этот персонаж уже давно живёт своей собственной жизнью. Он – олицетворение рациональности, целесообразности и расчёта – качеств, характеризующих искусство антиромантического XX века. Комфортно ли Вам в этой роли и насколько Вы совпадаете с ней психологически?

– Прежде всего, хотел бы поблагодарить Вас за интерес к моему творчеству, мне это очень приятно. Я вовсе не считаю, что Театр новой музыки невозможно представить без моего участия, хотя, конечно, отдаю ему много времени и сил. Но Вы совершенно правильно подметили, что маэстро Вигансо живёт своей собственной жизнью, обладает своими взглядами и пристрастиями, даже

своей психологией. За годы существования Театра он стал более живым, обзавёлся присущими лишь ему чертами характера. Но сам я ни в коем случае не маэстро. Это всего лишь мой персонаж, о котором я, безусловно, размышляю в процессе подготовки наших концертов-спектаклей, ищу для него интонации, пластику движений. Пожалуй, чем-то он обязан некоторым причудливым персонажам Джонни Деппа – я очень ценю этого актёра и иногда не стесняюсь что-нибудь позаимствовать, например, у мистера Вилли Вонки из фильма «Чарли и шоколадная фабрика». Но что касается основной линии маэстро Вигансо – рационального мышления и пристрастия к новой музыке, то мы с В. Орловым его именно таким и задумали. – Будучи солистом Театра новой музыки, Вы довольно много играете современной музыки. Признайтесь, как исполнитель, Вы здесь в своей стихии или не совсем?

– И да, и нет. У меня и впрямь получается

очень сильный перекося в сторону современной музыки, хотя, если вспомнить такого пианиста, как Алексей Любимов, то я в хорошей компании. Конечно, я ни в коем случае не сравниваю себя с этим действительно выдающимся исполнителем. Есть произведения, которые я исполняю с огромным удовольствием, например, «Piano Phase» для двух фортепиано Стива Райха, которые мы сыграли в дуэте с А. Поповым. Иногда, конечно, мы с В. Орловым ругаемся, я говорю ему: «Вот зачем ты мне эту чепуху подсунил, не буду я это играть». Но в процессе разучивания нового произведения оно вдруг начинает играть новыми красками, становится понятным и интерес-

и Шопена, и Листа. Конечно, сидеть на «жесткой диете» из сонат Устовольской не следует. – В Театре новой музыки Вы раскрылись и как композитор. Это влияние царящей здесь творческой атмосферы или исходит от Вас самого?

– Сочинять музыку я начал в столь раннем возрасте, что сам не помню, когда именно. А с восьми лет у меня появился изумительный педагог, гениальный В.С. Мишле, который передал мне основы гармонического, полифонического мышления, музыкальной формы. В его классе я писал и сонаты, и фуги, неоднократно участвовал в композиторских конкурсах. В 1998 г. я выиграл консерваторский конкурс композиторов имени А.Г. Шнитке, получил специальный приз за лучшее сочинение на тему Шнитке. Это была прелюдия и fuga на тему «Lacrimosa» из «Реквиема» – необычный случай, когда и прелюдия и fuga написаны на одну тему. Помню, это произведение понравилось Е.В. Гохман, которая очень высоко оценила моё творчество. Иногда я ей говорил: «А давайте я что-нибудь из Ваших произведений сыграю». А она с улыбкой отвечала: «Да зачем же моё, ты лучше своё что-нибудь ещё напиши». Удивительная была

женщина, мне очень её не хватает. Но в консерватории я учился только как пианист, и в какой-то момент все сочинения стал отправлять «в стол». Конечно, я с удовольствием пишу что-то для друзей. Так, цикл романсов на слова Бальмонта посвящён В. Дьяконенко, это мой камертон, чуткий музыкант с безупречным вкусом. А в Театре новой музыки просто всё вместе сошлось, тут и творческая атмосфера, и условия для самореализации. Иногда что-то специально пишу к какому-то концерту-спектаклю. Мне очень радостно, что скрипачка А. Климова, вокалистка К. Нестеренко исполняют мои произведения. Есть в Саратове замечательный молодёжный хор СГУ им. Н.Г. Чернышевского, которым руководит А.Паламаржа, она иногда просит меня написать что-нибудь специально для них. Я им всем за это очень благодарен. – Ваша музыка тяготеет к романтическому стилю. Как сочетаются в Вас эти две взаимоисключающие ипостаси – композитор-романтик Василий Игонин и рационалист маэстро Вигансо? Что вдохновляет Вас, как композитора?

– Ну, тут всё просто: если рационалист Вигансо – это всего лишь роль, которую я играю, то

композитор-романтик – это я сам. Я пишу так, как слышу, чувствую, никогда специально не выдумываю гармонию, даже музыкальную форму не выстраиваю, это всё само приходит. На фестивале «Арт-Модерн» композитор С.П. Полозов отметил, что мои произведения совершенны по форме. А я вовсе не думал об этом – вот тут 8 тактов напишу, а тут 16. Так услышалось. А вдохновляет меня творчество А. Скрябина, вплоть до его идеи «Мистерии». Часто говорят, что музыка позднего Скрябина – это тупик, творческий кризис. А на самом деле идея-то замечательная: создать какую-то особую музыку, которая так подействовала бы на людей, что они стали бы духовнее, чище, добрее, искреннее. Понятно, что это утопия, но сам посыл прекрасен. – Есть ли у Вас хобби?

– Не знаю, можно ли назвать это хобби, но я очень увлекаюсь астрофизикой. Меня вообще всегда завораживает вид звёздного неба. Очень хочу купить телескоп. «Звёздное небо над нами и нравственный закон в нас», как сказал небезызвестный философ... Меня вдохновляет мысль, что пятнадцать миллиардов лет назад в результате Большого Взрыва появилась наша Вселенная, на про-

тяжении миллиардов лет космос был пустым и мертвым, и вдруг на крохотной песчинке под названием Земля зарождается жизнь. И в процессе эволюции она приводит к появлению разума. Но ведь мы – тоже часть космоса. В нашем лице космос, наконец, достигает ступени самосознания. Он начинает всматриваться в себя, спрашивать: «А что я есть? Почему я есть? Откуда я, как я устроен? И что будет дальше?». Завершу словами астрофизика Карла Сагана: «Очень важно никогда не забывать, что человек рождён удивляться, постижение есть радость, а знание – залог выживания. Размеры и возраст Космоса лежат за пределами человеческого понимания. Но человеческий род молод, любопытен, храбр и подаёт большие надежды». – Василий, мне кажется, в Вашем увлечении романтик и рационалист сошлись в дружественном рукопожатии. Я желаю Вам и в дальнейшем сохранять равновесие этих противоположных начал и продолжать радовать саратовскую публику различными гранями своего замечательного таланта.

Беседовала
М. Царенко